

О в и д і ю.

Овидій! я живу близъ тихихъ береговъ,
Которыхъ изгнанныхъ опеческихъ боговъ
Ты нѣкогда принесъ и пепель свой оставилъ.
Твой безоправданный плачь мѣсца сіи прославилъ,
И лиры нѣжный гласъ еще не онѣмѣлъ :
Еще швоей молвой наполненъ сей предѣлъ.
Ты живо впечатлѣлъ въ моемъ воображенъ
Пустыню мрачную, Пѣсча започенье,
Туманный сводъ небесъ, обычные снѣга
И крашкой шеплошой согрѣшые луга.
Какъ часто, увлеченъ унылыхъ спрунь игрою,
Я сердцемъ слѣдовалъ, Овидій, за побою!
Я видѣлъ швой корабль игралицемъ валовъ,
И якорь верженный близъ дикихъ береговъ,
Гдѣ ждешъ пѣвца любви жестокая награда.
Тамъ нивы безъ шѣней, холмы безъ винограда;
Рожденные въ снѣгахъ для ужасовъ войны,
Тамъ хладной Скиѣи свирѣные сыны,
За Испромъ утаясь, добычи ожидаютьъ,
И селамъ каждый мигъ набѣгомъ угрожаютъ.
Преграды нѣшь для нихъ: въ волнахъ они плывутьъ
И по льду звучному безтрепешно идуутьъ.
Ты самъ . . . (дивись, Назонъ, дивись судьбѣ превратной)
Ты, съ юныхъ лѣтъ забывъ волнение жизни рашной,
Привыкнулъ розами вѣнчашъ свои власы,
И въ нѣгѣ проеждашь безпечные часы;
Ты будешь принужденъ взложишь и шлемъ шжазель
И грозный мечъ хранишь близъ лиры оробѣлой :

Ни дочь, ни жена, ни вѣрный сонмъ друзей,
Ни Музы, легкія подруги прежнихъ дней,
Изгнаннаго пѣвца не усладяшь печали.
Напрасно Граціи спихи пивои вѣнчали,
Напрасно юноши ихъ помяпшь наизустъ:
Ни слава, ни лѣша, ни жалобы, ни грусть,
Ни пѣсни робкія Октавія не пронущъ.
Дни спароспи пвоей въ забвеніи пошопущъ!
Злашой Италіи роскошный гражданинъ,
Въ опчизнѣ варваровъ безвѣшенъ и одинъ,
Ты звуковъ родины вокругъ себя не слышишь,
Ты въ шяжкой гореспи далекой дружбѣ пищешъ:
„О возврапише мнѣ священный градъ опцовъ,
И шѣни мирныя наслѣдшвенныхъ садовъ!
О други! Августу мольбы мои несише,
Карающую дланъ слезами опклоните;
Но если гнѣвный Богъ досель неумолимъ,
И вѣкъ мнѣ не видашь шебя, великій Римъ,
Послѣднею мольбой смягчая рокъ ужасный,
Приблѣжше хошь мой гробъ къ Италіи прекрасной!“
Чье сердце хладное, презрѣвшее Харипъ,
Твое уныніе и слезы укорипъ?
Кшо въ грубой гордоспи прочшешъ безъ умиленъ
Сіи Элегіи, послѣднія шворенъ,
Гдѣ ты свой шщешный стовъ попомству передалъ?
Суровый Славянинъ, я слезъ не проливалъ,
Но понимаю ихъ. Изгнанникъ самовольный,
И свѣтомъ, и собой, и жизнью недовольный,
Съ душой задумчивой я нынѣ посѣпилъ

Спрану, гдѣ грустный вѣкъ ты нѣкогда влачилъ;
 Здѣсь, ожививъ шобой мечпы воображенья,
 Я повторилъ швой, Овидій, пѣснопѣня
 И ихъ печальныя картины повѣрлялъ;
 Но взоръ обманушимъ мечшаньямъ измѣнялъ:
 Изгнаніе швое плѣняло впайнѣ очи,
 Привыкшія къ снѣгамъ угрюмой полуночи.
 Здѣсь долго свѣшисся небесная лазурь,
 Здѣсь крашко царствуетъ жестокосінь зимнихъ бурь;
 На Скиескихъ берегахъ переселенець новый,
 Сынъ Юга, виноградъ блискаетъ пурпуровый;
 Ужь пасмурный Декабрь на Рускіе луга
 Слоями распилалъ пушистые снѣга;
 Зима дышала шамъ — а съ вешней шенлошою
 Здѣсь солнце ясное капилось надо мною;
 Младую зеленью песпрѣль увядшій лугъ,
 Свободныя поля взрывалъ ужъ ранній плугъ,
 Чуть вѣялъ вѣшерокъ, подѣ вечеръ холодѣя;
 Едва прозрачный ледъ, надъ озеромъ шускнѣя,
 Кристалломъ покрывалъ недвижныя струи.
 И вспомнилъ опышы несмѣлые швой,
 Сей день, замѣченный крылашымъ вдохновеньемъ,
 Когда ты въ первый разъ вѣрлялъ съ недоумѣнемъ
 Шаги свои волнамъ, окованнымъ зимой,
 И по льду новому, казалось, предо мной
 Скользила пѣнь швоя — и жалобные звуки
 Неслися издали, какъ томный шпонъ разлуки.
 Ушѣшься! не увяль Овидіевъ вѣнецъ.
 Убы! среди толпы заперянный пѣвецъ

Безвѣстенъ буду я для новыхъ поколѣній ,
И жертва шемная , умрешь мой слабый геній
Съ печальной жизнию съ минушною молвой . . .
Но если обо мнѣ попомокъ поздній мой
Узнавъ , придешь искать въ спранѣ сей опдалемной
Близъ праха славнаго мой слѣдъ уединенный : —
Бреговъ забвенія оставя хладну сѣнь ,
Къ нему слепишь моя признашельная шѣнь ,
И будешь мило мнѣ его воспоминаше .
Да сохранился же завѣстное преданье :
Какъ ты , враждующей покорствуя судьбѣ ,
Не славой — участью я равенъ былъ тебѣ .
Здѣсь лирой сѣверной пустыни оглашая ,
Скипался я , въ шѣ дни , какъ на берега Дуная
Великодушный Грекъ свободу вызывалъ ,
И ни единый другъ мнѣ въ мѣръ не внималъ ;
Но чуждые холмы , поля и рощи сонны
И Музы мирныя мнѣ были благосклонны .

* *